
Наш Аполлон и наш Дионис

Когда закончится траур и утихнет боль, когда пройдут чествования и погребальные церемонии, замолкнут публичные люди, позабудутся антипатии и громкие заявления, тогда к нам вернется естественная убежденность, которую многие предсказывали десятилетия назад: Хорхе Луис Борхес и Габриэль Гарсиа Маркес — два колосса, возникшие в блистательный Золотой век латиноамериканской литературы, пришедшийся на вторую половину XX в., два самых сильных и влиятельных испаноязычных писателя нашего региона. Ими восхищались и им подражали во всем мире. В этой игре двойственностей, которая так нам нравится, они — наш Платон и наш Аристотель. Или лучше — наш Аполлон и наш Дионис.

Нет сомнений, что Гарсиа Маркес и Борхес шли рука об руку с удивительной когортой титанов, в творчестве которых представлена поэтика на любой вкус, — от Рульфо до Варгаса Льосы, от Доносо до Фуэнтеса, от Сабато до Ибаргуэнгойтии, от Рибейро до Кортасара. Но самые звучные, самые уникальные и оригинальные голоса — если под оригинальностью понимать слияние усвоенных уроков прошлого с умиротворенным соперничеством с современниками — принадлежали аргентинскому поэту и рассказчику и колумбийскому рассказчику и новеллисту, которые вобрали в себя усилия всех тех, кто предшествовал им, — от Машуда де Ассиса и Хорхе Исаакса до Маседонио Фернандеса и Альфонсо Рейеса — и которые проложили путь всем тем, кто идет за ними, начиная с Роберто Боланьо и заканчивая всеми, кто сегодня в их тени публикует свои первые книги.

На расстоянии они кажутся такими противоположными, такими далекими друг от друга, что и представить нельзя. С одной стороны, слепой и шепетильный писатель, едкий и одновременно меланхоличный, столь непроницаемый, что даже претендовал на роль пророка, обладатель наитончайшего юмора, не до конца понятого до сих пор, человек, придерживающийся — на свою беду — правых взглядов, единогласно почитаемый поэт, которому никогда не досталась бы Нобелевская премия. А с другой — веселый и скандальный писатель, одаренный талантом накручивать предложения и давать новую жизнь мифам, такой улыбчивый, что без труда заводил дружбу со всеми, в том числе и с теми, кто, не зная его лично, беззастенчиво называет его Габо. Человек левых взглядов, почитающий Фиделя Кастро, обожаемый всеми сказитель, ставший самым молодым латиноамериканцем, получившим Нобелевскую премию.

Да, на расстоянии они воплощают в себе антагонистические пути. Борхес — это, очевидно, Аполлон. Скульптор, шлифующий каждую грань и каждый угол. Фокусник, одержимо преображающий каждое прилагательное и каждое наречие. Преступник, всегда прячущий движение рук.

Скромный старик, ненавидящий зеркала и совокупление, но все же обильно приумножающий себе подобных. Детектив, скрывающий в процессе расследования, что он одновременно является преступником. Философ-номиналист и специалист по квантовой физике, погруженный в энциклопедии. Самый одаренный со времен Зенона автор парадоксов.

А Гарсиа Маркес — напротив, Дионис. Неудержимый демиург генеалогий и уникальных способностей. Смело разбрасывающий метафоры и строящий словесные лабиринты. Картограф джунглей и хронист кругообразной цепи наших несчастий. Улыбающийся идол, преобразующий историю и особенно гнусный колумбийский сюжет в тысячу незабываемых взаимосвязанных историй — нежных и одновременно жестоких. Танцор, ведущий нас на танцпол и заставляющий неукоснительно следовать его гипнотическому ритму. Прозорливый писарь, насмехающийся над тиранами, с которыми столько прожил. Рассказчик-беспредельщик, притворяющийся, что за рамками собственного воображения не соблюдает никаких правил, кроме тех, что он сам себе — и нам — навязывает.

Аполлон и Дионис. И все же эти два пути, как отмечал Ницше, не исключают один другого, но дополняют. Это две половинки мира. Нашего мира. Гарсиа Маркес не писал бы, как Гарсиа Маркес, если бы не учился у Борхеса, своего предшественника. И Борхес не нашел бы себе лучшего продолжателя, чем этот непокорный ученик, не желающий копировать его трюки и доктрину, но использующий их, чтобы выбраться из академизма и создать новую, чрезвычайно успешную школу магического реализма. Никто, конечно, не виноват в том, что у него гигантский легион подражателей: его изобретения получались чересчур блистательными, чтобы сотни разбойников с большой дороги не хотели бы прибрать их к рукам.

И Гарсиа Маркес, и Борхес были заслуженно возведены на алтарь. Или, если точнее, на частные алтари, что каждый воздвигает у себя дома: это наши пенаты. Невозможно не обожать их и в то же время не хотеть обезглавить. Невозможно не хотеть повторить, как сказал Варгас Льюис, их богоубийство.

ХОРХЕ ВОЛЬПИ
мексиканский писатель